

Тыше

Кейт

Максвелл

INSPIRIA

Москва

Тыше

Кейт

Максвелл

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М17

Kate Maxwell
HUSH

© Kate Maxwell 2022
This edition is published by arrangement
with Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

Перевод с английского *Елены Савиной*

Школа перевода
В. Баканова

Максвелл, Кейт.

М17 Тише / Кейт Максвелл ; [перевод с английского
Е. Савиной].— Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-211357-4

Стиви почти сорок, и она только что родила долгожданного малыша благодаря ЭКО и банку спермы. Ни мужа, ни партнера, только она и ее осуществившаяся мечта. Вскоре Стиви понимает, что материнство становится для нее тяжким бременем, а ее семья и окружение между тем преподносят новые сюрпризы... Что поможет ей справиться со всеми невзгодами?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Савина Е., перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211357-4

Посвящается моим родителям

Мир во сто крат безумнее, чем кажется,
Он так неисправимо многогранен. Я чищу
Мандарин, делю на дольки, выплевываю косточки
И чувствую, как опьяняюще разнообразна жизнь.

Луис Макнис, «Снег»

Один

Он совершенно на меня не похож. Вот что самое поразительное! Я ожидала увидеть хоть какие-то знакомые черты: дряблые мочки ушей, почти отсутствующую верхнюю губу. Хоть что-нибудь, что говорило бы: «Я — наполовину ты». Но когда акушерка передает мне маленький теплый комочек, я смотрю в глядящие на меня с явным укором чернильные глаза и совсем его не узнаю.

Нас везут в послеродовую палату на шесть мест, разделенных тканевыми ширмами, и оставляют там. Сил нет, но заснуть не получается; я лежу и разглядываю крошечного незнакомца через прозрачные стенки пластиковой кровати для новорожденных. Три часа ночи. За окнами с запотевшими стеклами шуршат колеса лондонских автомобилей. Начинает накрапывать дождь; его шелест напоминает вежливые аплодисменты.

Первой приходит мама. Она вваливается в палату с расprostертыми объятиями и мокрым от слез лицом.

— Ты уже придумала имя? — спрашивает она, с умилением наблюдая, как малыш сопит, потягивается, открывает темные глаза и заходится в крике.

Я мотаю головой, и она берет его на руки и начинает покачиваться, переступая с ноги на ногу, — совсем как я вчера, когда он еще был внутри меня. Я разворачиваю мягкий полосатый джемпер, который она ему связала, и толстовку с огромной надписью «МАМА» от моей средней сестры Ребекки.

Мама фотографирует нас на мой телефон и вскоре уходит; я публикую самый удачный кадр в соцсетях. Вот она я — в выцветшей футболке, легинсах для беременных и с вымученной улыбкой; а вот и он — завернутый в пеленку младенец со сморщенным от плача личиком. Осталось придумать подпись. Может, веселенькое «Встречайте!» с указанием его веса и роста? Или: «Люблю бесконечно!» с длинным шлейфом из сердечек, как в посте девушки с курсов подготовки к родам, опередившей меня на неделю? В итоге я выбираю одно слово, хотя оно и похоже на необоснованное заявление, хотя от него веет безнадежным оптимизмом. «Мы».

Даже если акушерок и разбирает любопытство, вида они не показывают. Впрочем, меня это не задевает. На их месте я уже давно рисовала бы на запотевших окнах генеалогические древа, перебирая в голове варианты семейных драм. Он бросил ее, как только на тесте проступили две полоски? Она переспала с первым встречным, чтобы забеременеть? Он умер от сердечного приступа или погиб в автокатастрофе?

А может, для них вполне привычно, когда одинокая женщина под сорок с полагающимися по сценарию криками производит на свет ребенка в бассейне родильного отделения. Времена изменились, верно? Подростки теперь не беременеют — невозможно залететь через Snapchat. Теперь им на смену пришли спохватившиеся карьеристки с кризисом среднего возраста, которые поступают в родильное отделение в одиночестве, а уходят вдвоем.

Пять семейных пар, которые делят со мной палату, сразу все подмечают. Я ловлю на себе любопытные взгляды соседок, ковляющих в туалет мимо моей кровати; слышу через тряпичные «стены», как они судачат обо мне, думая, что я сплю.

— Бедняжка, — со вздохом повторяет одна из них. — Совсем без поддержки. Я бы так не смогла!

Пускай болтают, я не против. Я живу в подвешенном состоянии между известным «до» и еще неизвестным «после». Занятно послушать предположения о том, кто я и что меня ждет в дальнейшем, интересно заглянуть в их мир, который мог бы быть и моим, сложились обстоятельства по-другому.

И знаете что? У них тоже не все шоколадно. За умильным воркованием и мечтами о светлом будущем кроется гнетущее напряжение; оно расплзается, словно пятно от красного вина. Девушка чуть за двадцать рыдает в телефон, после того как новоиспеченный отец уходит, мельком взглянув на кресло из кожзама, предназначенное для остающихся на ночь посетителей. Худосочная француженка убеждает мужа дать ребенку вычурное многосложное имя — попробуй выкрикнуть такое на детской площадке! В качестве компенсации мужу предлагается выбрать второе имя, хотя все знают, что оно нужно только для крестин и свадеб. И конца этим дебатам не видно.

Я, в свою очередь, вовсе лишаюсь собственного имени на целых тридцать шесть часов — время пребывания в послеродовом отделении.

— Как чувствует себя мамочка? — спрашивают медсестры, щупая мой пульс или подкладывая ребенка мне под руку (его ноги при этом болтаются где-то у меня под мышкой), чтобы ему было удобнее брать сосок. Такой метод кормления называется «захват мяча».

Я хочу ответить, что чувствую себя порванной в клочья, но это прозвучало бы слишком мелодраматично. Поэтому просто спрашиваю, когда остановится кровотечение. Услышав, что это произойдет примерно через три-четыре недели и что нужно немедленно сообщить им, если замечу сгусток крупнее пятидесятипенсовой монеты, я стараюсь придать лицу нейтральное выражение.

Моего ребенка, который пока не может лишиться имени за неимением оно́го, медсестры называют

«Ребенок». Не «ваш ребенок» или «этот ребенок» — просто «Ребенок».

— Вы скоро будете узнавать Ребенка по крику, говорят они. — Но его мяукающее хныканье ничем не отличается от звуков, издаваемых другими младенцами в палате. Когда он не плачет, уставившись на меня оскорбленным взглядом, и не высасывает из моей груди, как сейчас, драгоценные капли молозива, то почти беззвучно лежит спеленатый в прозрачной коробке. Иногда я даже забываю о его присутствии.

На второй день, около часа дня, когда спешащие на обед офисные работники начинают выбивать чечетку на тротуарах, нас выписывают.

Я собираю вещи, укладываю ребенка в автолюльку, и, едва волоча ноги, ползу по коридору. Идти тяжело; все тело болит и ноет. Из палаты выглядывает медсестра:

— Вам помочь? Вас кто-нибудь встречает?

Я пытаюсь выпрямиться, чтобы не выглядеть совсем уж беспомощной. Эх, надо было соглашаться, когда Ребекка предлагала забрать нас из роддома!

— Спасибо, все в порядке, — отвечаю я, приподнимая автолюльку с ребенком: смотри, мол, он практически ничего не весит.

К моему удивлению, тревожная сигнализация на выходе не срабатывает, никто нас не останавливает, и мы спокойно выныриваем из двойных больничных дверей в октябрьский день. Я опускаю автолюльку на тротуар у бордюра. Ребенок тут же морщит крошечное личико, сжимает кулачки и открывает рот, но я не слышу его крика из-за шума улицы. Проходящая мимо женщина с коляской бросает на меня неодобрительный взгляд. А я стою в ожидании свободного такси, растерянно переводя глаза с ребенка на поток машин.

Два

Август в Ист-Виллидж. Низко висящая луна похожа на фонарь; повсюду вонь от уличного мусора и рвоты. Все на пляже — кроме нас с Нейтаном. Прошагав один квартал на запад и два на юг, я увидела его в очереди за лобстер-роллом¹ в новой забегаловке, где одна из стен была затянута рыболовной сетью, а на столах стояли баночки с приправой «Олд Бэй».

Тем летом подзабытые лобстер-роллы вдруг вернулись в моду, став главным гастрономическим трендом. Весной шеф-повара манхэттенских ресторанов сходили с ума от дикого лука — тоненьких, сорванных в близлежащих лесах и лугах стебельков, которые увядали к вечеру того же дня. Прошлой зимой буквально во всех заведениях города подавали брюссельскую капусту. Звездный час лобстера настал, как писали в прессе, благодаря невиданному росту популяции этих ракообразных в теплых прибрежных водах штата Мэн.

— Глобальное потепление — это вкусно, согласись? — сказал Нейтан, в два счета расправившись со своей порцией и пожирая глазами мою. Я невольно прикрыла тарелку рукой.

¹ Традиционный американский сэндвич родом из штата Мэн — булочка в стиле хот-дога, нарезанная сверху и слегка поджаренная, с начинкой из свежего мяса омара, смешанного с майонезом, сельдереем, лимонным соком и приправами. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

— Что нового? — спросила я.

— Тусил с Брайсом и собаками. Планировал очередную фотосессию.

— Кого продвигаешь на этот раз?

— Новый бренд бритвы с доставкой по почте. Учредитель красавчик. *Очень* перспективный проект.

Два бокала спустя, в баре за углом, я наконец улучила момент, воспользовавшись паузой в разговоре, и выпалила:

— Я все-таки возвращаюсь домой. Идея с лондонским клубом в силе, и Лекс хочет, чтобы я этим занялась. Значит, там и решу все вопросы с ребенком — найду донора, сделаю ЭКО. Так будет лучше. Давно пора.

Нейтан покачал головой.

— Твое место — здесь. Ты можешь сделать все это *здесь!*

— Так я и собиралась...

— Извини, Стиви. Мне и правда очень жаль... Джесс уже знает?

— Нет. Я ей еще не говорила.

— Вот когда скажешь, тогда и поверю, что ты в самом деле уезжаешь.

В воскресенье вечером я спустилась в метро и села на поезд шестого маршрута до Канал-стрит, чтобы поехать к моей сестре Джесс — она намного старше. Ее аскетичная квартира в Трайбеке¹ напоминает рабочий кабинет. Интерьер в серых тонах — от ковра на паркете в гостиной до дивана в форме буквы L и занавесок. Никаких предметов декора или фотографий, ни одного образца горных пород, которые я коллекционировала последние пять лет; лишь пара абстрактных картин с черно-фиолетовыми спиралями на стене в гостиной.

¹ Трайбека (англ. Tribeca) — один из самых престижных и дорогих районов Нью-Йорка.

Я сидела на диване, наматывая на палец прядь волос.

— Судя по твоему виду, малышка, ты хочешь мне что-то сообщить. — Джесс с улыбкой захлопнула ноутбук и скинула лакированные туфли на шпильках.

— Да так, ничего особенного. Соскучилась — вот и приехала тебя повидать.

Мы болтали о стартапах, в которые инвестирует компания Джесс, о некоммерческой организации, пригласившей ее в совет директоров. О Мики — девушке, которую она опекала с одиннадцатилетнего возраста. Мне было столько же, когда Джесс переехала в Нью-Йорк. Два раза в месяц по выходным сестра водила ее в музей или в кино, наставляла на путь истинный, давала советы насчет поступления в колледж.

— Сэм не звонил? — спросила Джесс.

— С чего бы?

— Просто я думала...

— Просто он тебе нравился. Ты считала, что он мне подходит. Но мы уже много месяцев не вместе и сходить-ся не планируем. Так что смирись.

— Как скажешь.

— А ты знаешь, что скоро будет пять лет, как я живу в Нью-Йорке?

— Конечно.

— Я уже забыла, как говорить на правильном английском!

— Рано или поздно это случается со всеми.

Я вдохнула поглубже.

— Джесс, я возвращаюсь домой. Мы открываем клуб в Лондоне, и Лекс хочет поручить руководство мне.

Сестра бросила взгляд на созвездия городских огней за окном.

— Вот как... Хотя это не такой уж сюрприз — ты давно намекала, что подумываешь вернуться, — вздохнула она. — Эх, Стиви, мне так нравилось жить с тобой в од-

ном городе! Надеюсь, ты это знаешь. И пусть встречались мы не слишком часто, мысль о том, что ты всего в паре кварталов от меня, грела душу...

— Ты ведь понимаешь, что упускать такой шанс нельзя. Это огромный карьерный рывок! Лекс обещает мне полную свободу действий. Мой звездный час.

— Похоже на то. Я и правда горжусь тобой, малышка. Только вот... Господи, как же мне будет тебя не хватать!

Джесс привлекла меня к себе и заключила в объятия. Теперь они длились дольше, в них чувствовалась уверенность. Я вдруг вспомнила, как тоскливо мне было в детстве после ее переезда в Нью-Йорк. Что, если мое решение вернуться на родину — своего рода месть? Я словно наказывала ее за прошлое. Сбегала. А ведь в последние пять лет мы наконец стали так близки!

— И еще кое-что, Джесс...

Мы никогда не говорили о детях. У Джесс было все, что она хотела. Головокружительная карьера и самореализация на ниве благотворительности. Верные друзья. Деньги и время, чтобы ими наслаждаться. Мне казалось, что она считает деторождение чем-то скучным, досадной помехой, которая отвлекала бы ее от жизни. Что есть лучшие способы оставить свой след.

Я была уверена, что сестра отнесется к моему решению равнодушно. Надеялась, что она не расстроится. Я никогда не мечтала о такой жизни, как у нее: Джесс наверняка это давно поняла.

Но когда я сказала, что хочу завести ребенка и что все уже спланировала, ее бокал вдруг, словно в замедленной съемке, выскользнул из руки и со звоном ударился о деревянный пол, разлетевшись на тысячу осколков. Такая реакция застала меня врасплох.